

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

КАМО ГРЯДЕШИ, ЧЕЛОВЕК?

Аннотация: Обсуждение перспектив человеческого существования — едва ли вечный сюжет мировой философии. В основном эта тема была связана с тремя факторами: колоссальными достижениями человеческого разума, преобразованием человеческой природы и реализацией космического предназначения человека. Об успехах науки и связанных с нею упованиях говорить много не приходится. Благодаря науке создана современная цивилизация с ее высоким уровнем благосостояния, невиданными ресурсами, грандиозными коммуникациями. Перекроена карта мира. Ученые расшифровали геном человека. Они пытаются с помощью адронного коллайдера вырвать у природы ее базовые тайны. Люди научились лечить рак почти всех органов, пересаживать сердце, пришивать руки и ноги, клонировать себе подобных.

Ключевые слова: философия, философская антропология, человек, существование, человечество, наука, ноосфера, эволюция, космос, биос.

Изнанка науки

Вполне естественно, что успехи науки приучили многих людей к мысли, что нет таких проблем, которые не получают поддержки со стороны науки. Именно с достижениями науки и культуры принято связывать и горизонты человеческого существования. «Культура, образование, — говорит С.П. Капица, — человечество обязано таким развитием именно этому фактору, этим мы отличаемся от животных. Мы спим, размножаемся, питаемся, передвигаемся так же, как животные, но у нас есть культура. В обобщенном плане это производство, сознание и нравственность. Культура и есть движущий фактор, порождающий закон n^2 — единый, работающий для всего человечества. Вы не можете применить эту закономерность к отдельной нации — только к человечеству как к целому... Есть модель Дарвина, где существа помещаются в окружающую среду и борются за то, чтобы там выжить, а есть эволюция Ламарка, когда приобретенные признаки передаются через образование и культурную среду. Поэтому нас в сто тысяч раз больше, чем сравнимых с нами животных»¹.

Однако, как теперь очевидно, в системе культуры наука играет не только положительную роль.

Лишенная этического содержания, она может привести человечество к неслыханным бедам. К. Поппер писал, что наука прогрессирует путем проб и ошибок, но история свидетельствует о том, что в развитии науки бывают истинные прозрения и заблуждения, дни окрыляющих открытий и годы упорного собирания буквально по крохам знания о неизведанном. По мнению М. Хайдеггера, ничто не угрожает человечеству столь сильно, как наука, ибо она не мыслит.

Современная наука, увлеченная теорией эволюции, достижениями механики и информатики, утратила пафос искания изначальной целостности, универсальности бытия. Созерцательные, интуитивные компоненты познания стали рассматриваться как второстепенные:

*Не так едка была его пытливость,
Что разум вскрыл такие недра недр,
Что самая материя иссякла,
Истаяла под оцупью руки...
От чувственных реальностей осталась
Сомнительная вечность вещества.*

Эти строчки принадлежат поэту Максимилиану Волошину. В них говорится о последствиях такого движения мысли, когда запрет накладывается на «откровенье, таинство, экстаз...». Наука пытается все разъять, расчленить. Такой процесс познания становится единственным, оказывается недостаточным и ущербным. Сегодня

¹ Совесть: бесполезное свойство души. Круглый стол по проблемам нравственности и духовности. СПб, 2010. С. 64.

ня все чаще говорят о том, что наука обеспечило могущество человека. Но она вызвала экологический кризис, разрушив природные экосистемы, угрозу ядерного испепеления земли, глобальный демографический кризис. Человечество росло по взрывающейся кривой. Сейчас мы находимся на самом опасном этапе этой кривой. Менее чем за сто лет (а весь отрезок человеческой деятельности — полтора миллиона лет) мы переключаемся на взрывное развитие со скоростью, которой никогда не было.

Книга американского исследователя Келли «За пределами контроля» рассказывает о союзе рожденного и сотворенного. Извлекая логические принципы из жизни и из машин и применяя каждый из них к задаче построения сложнейших систем, специалисты вызывают к жизни устройства, которые одновременно — и сотворенные, и живые. Это соединение жизни и машины — одна из благоприятных возможностей, частично вызванная нашими текущими техническими ограничениями. Мир нашего собственного творения стал настолько сложным, что мы должны обратиться к миру рожденного, чтобы понять, как им управлять. То есть, чем более механической мы делаем нашу искусственную окружающую среду, тем более биологической она должна стать в конечном счете, если она вообще должна работать. Наше будущее является технологическим; но оно не будет миром серой стали. Скорее наше технологическое будущее держит курс к нео-биологической цивилизации.

Природа всегда предоставляла людям свою плоть. Сначала мы использовали вещества и материалы природы как пищу, одежду и жилище. Затем мы научились извлекать из ее биосферы сырье для создания наших собственных новых синтетических материалов. Ныне — Биос предоставляет нам свой разум, мы используем его логику. Но воздействие знания на мир крайне противоречиво.

Мы можем говорить сегодня о грандиозном конфликте науки и философии. Наука увлечена фантастическими проектами, игнорируя при этом философское остережение. Между тем массово-информационные процессы глобального мира невозможно представить без развернутой философско-антропологической теории. Говоря о глобальном человеке», о проблеме самоидентификации в обществе «реальной виртуальности», мы не можем выстраивать лишь логику компьютерных технологий, обезличен-

ной информационной среды. При обсуждении любого вопроса глобальных преобразований мы постоянно сталкиваемся с антропологическими детерминантами. Актуальными вновь оказываются традиционные вопросы философской антропологии: «человек — творец или творение?», «кто или что является демиургом современного мира?», «действительно ли человеческое тело является базовой основой идентификации человека?», «способна ли человеческая природа к предельной открытости и бесконечным преобразованиям?»

Некоторые современные философы, в том числе В.А. Кутырев, В.И. Самохвалова, Э.М. Спирина и другие, с тревогой отмечают угрозу, которая нависла над человеком как особым родом сущего. Ему суждено вымирание. Особый трагизм данного процесса состоит в том, что он едва ли осознается самим человеком. Трансформация человека случится незаметно, как при анестезии. Люди вовлечены в такие процессы, что уже утратили свою идентичность. Потеряв свою тождественность, человек станет другим, даже не успев «очухаться». Оказавшись «кибернавтом», он безболезненно и легко, как при обезболивающем уколе, сбросит человеческое тело вместе с тем наследием природы, которое вызвало его к жизни. Витальность отомрет как реликт, земной мир лишится своей трепетности, одушевленности. Техника, придуманная человеком, отпразднует собственное торжество. «Сколько-нибудь осмысленной биополитики не существует, и все процессы развиваются стихийно. Даже клонирование, отменяющее пол и подрывающее весь механизм развития человека как живого существа, действительно массовых протестов не вызвало и ползучим образом переходит от животных на него. При такой реакции на самые дерзкие посягательства на собственную природу, мы даже не будем знать, когда нас не будет»².

Тварность человека

Огромные надежды связаны у человечества с преобразованием человеческой природы. О том, что человек может обладать неслыханной мощью, стать полным властелином Земли, раскрыть заложенный в нем потенциал мечтали

² Кутырев В.А. Философия трансгуманизма. Н.Новгород, 2010. С. 27.

многие мистики и философы. При этом идеализация человека нередко порождала и противоположный ход мысли. Стремление изменить человека диктовалась зачастую рассуждениями о несовершенстве человеческой природы. Нередко отмечалось, что наряду с божественной искрой в человеке заложено много скверного. Тварность человека вызывала желание пересотворить человека по новым лекалам, что порождало и всякого рода философские остережения. «Если мы, как следует, обдумаем, — писал А. Шопенгауэр, — как велика и как близко нас затрагивает *проблема существования*, этого двусмысленного, полного муки, мимолетного, сну подобного существования, — настолько велика и близка нам, что как только человек ее усмотрит, она затемняет и закрывает собою все другие задачи и цели»³. «Люди вовсе ясно не сознают этой проблемы»⁴. Немецкий философ также ссылаясь на буддийские писания, в которых говорится об ухудшении человеческого рода⁵.

Но в этом контексте правомерно поставить вопрос: насколько оправданны вообще всякого рода концепты относительно радикального преобразования человека. Возможно ли это помыслить? Задача мировоззренчески ответственной философии фиксировать не только складывающиеся, едва ли не стихийно, цивилизационные сдвиги, но и возвысить свой голос против социологического эффекта Эдипа, когда мрачные прогнозы реализуются бессознательно, в силу захваченности этим проектом? Не пора ли гуманистически ориентированной мысли поставить преграды безответственным постмодернистским играм, направленным на полное уничтожение человека как антропологической данности? Не является ли философской обязанностью каждого ответственного мыслителя остановить параноидальные суицидальные устремления зарвавшихся любомудров?⁶

Однако прежде чем ставить эти вопросы, важно провести некую рефлексивную работу. Приходится признать, что сам вопрос о преоб-

ражении человека в истории человечества, равно как и в истории философии, возникает не впервые. Грандиозная радикальная трансформация гоминида прежде, связана с процессом превращения животного в человека разумного. Разве человек явился в этот мир с готовым набором человечности, разума и социальных качеств? Эта тайна грандиозного преобразования, мучившая, к примеру, К. Ясперса, еще не в полной мере освоена философской антропологией.

«Человек — не просто разновидность животного; но человек и не чисто духовное существо, о котором мы ничего не знаем и которое в прежние времена мыслилось как ангел. Скорее следовало бы сказать, что человек — это нечто единственное в своем роде. Отчасти он принадлежит к разряду живых существ, отчасти к разряду ангелов, но отличается как от тех, так и от других. Богословие и философия во времена высказывались в пользу особого положения человека; оно было поставлено под сомнение лишь в период господства позитивизма. В проявлениях своего наличного бытия человек может уподобляться животным, в основах своей природы — Божественному как трансценденции, которая, как он знает, есть источник его свободы», — писал К. Ясперс⁷.

Особая драматичность данной проблемы связана с тем, что такой ход событий в известной мере не может считаться в философской антропологии извращением, тупиком, патологией в разрывании человеческой природы. Человек как данность уже в мистической традиции рассматривался как существо, не только способное к преобразению, но в значительной степени даже приговоренное к нему. Разве древние гностики не считали человека сверхприродным субъектом, разве они не грезили о его немислимой трансформации? Неужели мы не ощущаем в мистических текстах этого едва ли скрытого и неумолимого желания освободиться от греховной плоти, от подавленности природным миром.

Адам Кадмон — «Адам первоначальный», «человек первоначальный» — первоначальная духовная форма существа, состоящего из света, одаренного всяческой мудростью и живущего с Богом в Эдемских садах или на вышней небесной земле. Это первообраз духовного мира. Представление об Адаме Кадмане соотносимо с гностическим понятием антропоса. Антропос — человек, в гностических представлениях —

³ Шопенгауэр А. Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 5. М., 2001. С. 386-387.

⁴ Там же.

⁵ См.: Шопенгауэр А. Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 6. М., 2001. С. 159.

⁶ См. об этом: Лекторский В.А. Умер ли человек? // Наука, общество, человек. К 75-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова. М., 2004; Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). Смоленск, 2006; Его же: Бытие или ничто. СПб, 2010.

⁷ Ясперс К. Общая психопатология. М., 2007. С. 40.

духовный первочеловек, вечное начало, присутствующее в человеке. Наибольшее развитие эта концепция получила в каббалистической мистике, где Адам Кадман осмысливается как соединительное звено между бескачественным и беспредельным Богом и его самоопределением через полагаемые им же формы. Согласно «Зонару», образ человека заключает в себе миры горние и дольные.

«Оккультные и мистические учения, — писал Н.А. Бердяев, — всегда учили о многосоставности, сложности человека, включающего в себя все планы космоса, изживающего в себе всю вселенную. Та философия, которая видит в человеке лишь частное явление природного мира, всего менее видит в человеке космос, малую вселенную. И лишь та философия в силах прозреть космос в человеке, которая видит, что человек превышает все явления природного мира и являет собой верховный центр бытия. Что в человеке скрыты тайные, оккультные космические силы, неведомые официальной науке и будничному, дневному сознанию человека, в этом почти невозможно уже сомневаться»⁸.

Но разве не об этих скрытых, оккультных космических силах пишут современные архитекторы будущего человека? Они создают новые метафоры, ритуалы и стили жизни в информационной вселенной. Все больше людей становятся шаманами нечеткой логики и алхимиками виртуальных пространств.

Мистики утверждали, что ангелы (как первообразы) находятся за пределами эволюции. Иное дело — человек. Он обязан пройти длительный и драматический путь развития. При этом «расставание» с телом вовсе не является для мистиков странным и неожиданным сюжетом. По мнению каббалистов, человека следует идентифицировать только с духом. Тело — это только одежда для души, ни в коем случае не сам человек. Мистики в общем не считали человека идеальным созданием. Они говорили и об ущербности человеческой природы.

Эти идеи обнаруживаются и в христианстве, и в философской антропологии минувших столетий. Сначала А. Шопенгауэр, а затем Ф. Ницше задумываются над странностью человека как живого существа. Путем чисто философского умозрения формулируется мысль о том, что че-

ловек, вероятно, выпадает из цепи природных тварей. Он эксцентричен как особый род сущего и вовсе не производит впечатления венца творения. Напротив, если сделать, условно говоря, допущение, что человек — уже установившееся животное, то ничего кроме «халтуры природы», не получается. Так впервые в истории философии появляется мысль об ущербности человека. «Я учу о сверхчеловеке», — писал Ф. Ницше. По-новому осмыслив ницшеанскую формулу о человеке как еще незавершенном животном, М. Шелер и его коллеги представили «мыслящее существо» как свободное, открытое. Опираясь на средневековую традицию, на взгляды агностиков, философские антропологи подошли к проблеме слабой укорененности человека в природе с радикально иных позиций.

Нельзя не принять во внимание еще одно философское озарение Ф. Ницше о том, что человек есть еще не завершенное животное, которое получило детальную разработку в немецкой философской антропологии начала XX века. Человек — это открытая возможность; он не завершен и не может быть завершен. Поэтому человек всегда больше того, что осуществил, и не тождествен тому, что он осуществил. Это мысль К. Ясперса, логично вытекающая из работ философских антропологов.

Все это актуализирует представление о том, что человек не является последним звеном эволюции. Рано или поздно он должен завершить свое существование и уступить место иным видам жизни, в том числе и разумной. Но кто же произойдет от человека? Действительно ли он должен сойти с эволюционной лестницы или сможет стать исключением, совершенствуясь до бесконечности, чтобы, радикально повысить свои умственные и физические возможности, ликвидировать старение и смерть.

Если отвлечься от постмодернистской философии, то человек действительно находится на рубеже невероятных трансформаций, поскольку каждый вариант культурного бытия может привести к появлению нового антропологического персонажа. Рассмотрим три возможных сценария, по существу не во всем связанные с постмодернистской философией.

Остается открытым и вопрос о том, не стремится ли человек к самоустранению. Не исключено, что в каждой системе, в каждом индивиде заложено тайное стремление избавиться от идеи своего существования, от своей

⁸ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 299.

сущности, с тем, чтобы обрести возможность размножаться и экстраполировать себя во всех направлениях?

Слово «кибернавт» ввел в литературу Тимоти Лири. Он видит будущее человека в симбиотической связи человека с компьютером. Это, по его мнению, «новейшая модель человека XXI века». Он полагает, что киберодежда для него станет не привычнее, чем обычная⁹. Речь идет о реальном перепрограммировании мозга, о невиданном ускорении мыслительных процессов.

Т. Лири напоминает нам, что слова киберличность или кибернавт возвращают нас к первоначальному значению слова «пилот» и втягивают самоуверенную личность обратно в

«мёртвую петлю». Цифровая реальность сулит и множество трудностей. Человек обретает способность передвигаться внутри информационных миров. Построение новой киберпространственной субъективности обусловлено таким образом повествуемым восприятием, за которым следует кинесис. Таков поразительный пересказ описанного в феноменологии М. Мерло-Понти развития субъективности. «Будучи продолжением мира, тело вместе с тем выступает универсальным измерителем, поддерживающим гармонию в мире». Это процесс физиогномического восприятия, который располагает вокруг субъекта мир, ему о нем говорящий, и дает его собственным мыслям их место в мире.

⁹ Лири Т. Семь языков Бога. К.-М., 2002. С. 188.